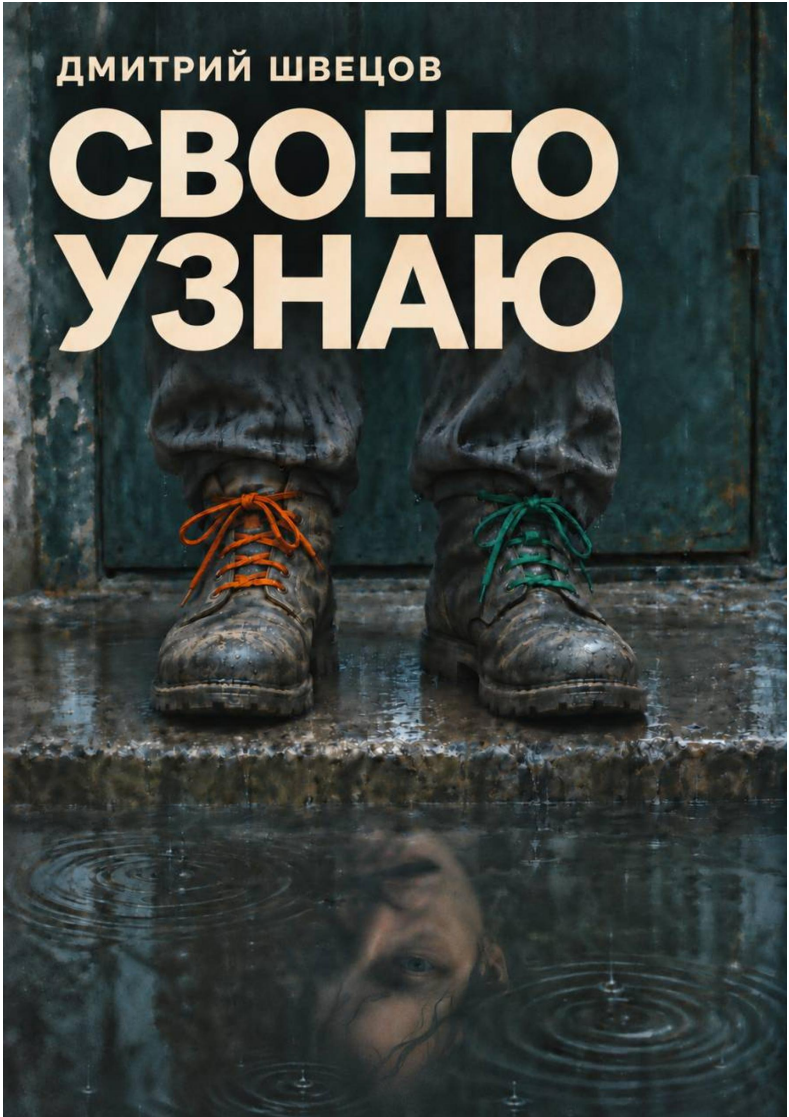
ДМИТРИЙ ШВЕЦОВ

СВОЕГО УЗНАЮ



Швецов Дмитрий

Своего узнаю

https://litres.ru/74944349
SelfPub; 2026

Аннотация

На четвёртый день поисков сын звонит Варе в домофон. Она узнаёт шрам под его подбородком и спрашивает, куда он дел черепки от синей чашки. По ответу Варя понимает, что за дверью чужой.

А четырнадцатилетняя Ася узнаёт в том же человеке отца. На нём рабочие ботинки с разными шнурками. Она сама их покупала. Теперь двум семьям в подмосковном Щёлкове предстоит выяснить, что случилось на старой фабрике той ночью и почему домой вернулся один человек.

Швецов Дмитрий
Своего узнаю

На четвёртый день поисков сын звонит Варе в домофон.

Варя как раз записывает голосовое для поискового чата. Перечисляет, что на нём было, доходит до шапки и в третий раз стирает запись. Тиша ушёл без шапки. Она точно это знает, шапка лежит перед ней на столе. Но всякий раз, когда она представляет его на холоде, он в шапке.

На экране Тиша. Стоит у двери подъезда, нос красный, к виску прилипло семечко берёзы.

— Я к Варваре Ильиничне, — говорит он.

За двадцать четыре года он назвал её так один раз, когда они поругались и три дня общались исключительно записками. «Уважаемая Варвара Ильинична, кота покормил». Ему было девять.

Варя нажимает на микрофон.

— Помнишь синюю чашку с зайцем? Которую ты разбил. Куда черепки дел?

Парень в домофоне запрокидывает голову. Камеру задрали после того, как кто-то влепил в глазок жвачку. Варя видит белую полоску у него под подбородком, от качелей во втором классе. Так и тянет попросить, чтобы подошёл поближе, дал посмотреть, всё ли остальное на месте.

— Я не бил вашу чашку, — говорит он.

Верно. Она сама её разбила. Только Тиша ответил бы иначе. Он сто раз ей говорил, что там был кролик. У зайцев, мама, таких ушей не бывает.

— Кто ты?

— Дракон.

Семечко на виске шевелится от ветра. В Щёлкове третий день идёт дождь. У Вари в мастерской до сих пор стоят шесть пар осенних сапог с привязанными к ним квитанциями. В первый вечер она повесила на дверь записку «Буду через полчаса». Наверное, люди всё ещё приходят.

— Как его звали? — спрашивает она.

— Тихон. Он сказал, вы его Тишей зовёте.

Она знает про драконов ровно столько, сколько все. После смерти человека дракон может взять его лицо. Для этого надо самому его убить. Ещё в школе один мальчик весь шестой класс проходил с кличкой Дракон, потому что на фотографии в пропуске получился вылитый завуч. Варя тоже смеялась.

— Я сейчас спущусь, — говорит она. — Стой там.

Она кладёт телефон в карман халата и выходит босиком. Со второго этажа вслед за ней бежит соседский шпиц, которого опять выпускают гулять одного. Варя толкает тяжёлую дверь. Парень замечает собаку и придерживает створку, чтобы та не прищемила псу хвост. Так бы сделал любой. И всё-таки от этого движения у Вари подкашиваются ноги. Она садится на ступеньку крыльца. Парень отпускает дверь. За

спиной щёлкает замок.

Шпиц обнюхивает голую пятку и уходит во двор по своим делам.

— Где он?

— На старой фабрике. Под лестницей в красильном цехе. Когда потолок упал, дверь завалило. Я могу показать на плане.

— Там искали.

— Знаю. Я слышал.

Варя отправляет координатору сообщение про цех и лестницу. Хочет спросить, слышал ли Тиша, как его звали. Уже открывает рот, когда парень достаёт из кармана сложенный вчетверо листок. Жирная на ощупь бумага. В такие квитанции она заворачивает ключи от мастерской, чтобы в кармане не протиралась подкладка. Тиша таскал их у неё целыми пачками. На обороте печатными буквами выведено «МАМКЕ».

Внутри всего две строчки.

«Мам, он обещал, что сделает это быстро. Я обещал, что ты его выслушаешь».

Она читает четыре раза. Во второй строчке у «ы» провален хвост. Это из-за дурацкой привычки писать на колене. Дома у них было три стола, за любым можно было сесть по-человечески.

— Варвара Ильинична! Нашёлся?!

Дверь за их спинами открывается. На крыльцо выходит

соседка Лена. В одной руке у неё собачий поводок, в другой телефон. Снимает. Варя видит на экране себя снизу, в халате, и одну голую ногу крупным планом.

— Лен, выключи. И пса подбери. Опять под колёса полезет.

Но в поисковом чате уже появляется сообщение. «Тиша дома!!!» К нему приложены восемь секунд видео. Пока Варя смотрит, как чужое лицо её сына поворачивается к камере, под сообщением вырастает ряд красных сердечек. Люди, которые четыре дня месили грязь вокруг фабрики, имеют право обрадоваться. Через час кому-то придётся им позвонить и попросить вернуться.

Варя встаёт на ступеньку, чтобы оказаться с ним одного роста.

— Как я тебя буду звать?

— Миша.

— Миш, я бы тебя сейчас ударила, — говорит она. — А попаду по нему. Хоть понимаешь, какая дрянь получается?

— Только сейчас понял.

Он стоит с её сыном в одном лице и плачет совсем по-другому. Тиша всегда зажимал пальцами переносицу и задирал голову. У этого просто течёт из носа. Варя суёт ему в руку бумажку, он собирается высморкаться, и она еле успевает выхватить письмо. Господи, ещё и это бы.

Звонит телефон. Девичий голос спрашивает, она ли мама Тихона. Потом торопливо, будто боится, что Варя положит

трубку, говорит, что её зовут Ася, что ей четырнадцать и что папа тоже был на фабрике в четверг.

— Я видела видео в чате. Спросите у вашего сына, откуда у него папины ботинки. Я сама ему эти шнурки купила. Он вообще-то хотел чёрные.

— Ася, погоди, я гляну.

Варя опускает глаза. На ногах у Миши рабочие ботинки, на правом оранжевый шнурок, на левом зелёный. За мокрыми штанинами до сих пор не было видно.

Варя включает громкую связь, кладёт телефон между ними на ладонь.

— Сама у него спроси.

Девочка послушно повторяет вопрос. Миша открывает рот, но получается у него совсем другое.

— Ась, хомяк у тёти Нади. Вместе с клеткой. А то ты, я тебя знаю, пойдёшь среди ночи его кормить. Из динамика доносится шорох. Варя успевает подумать, что связь вот-вот оборвётся, а потом понимает, что девочка стаскивает через голову какую-то одежду. Тиша вечно разговаривал с ней так же, зажав телефон плечом.

— Пап, — говорит Ася уже другим голосом. — А почему на видео дядя какой-то?

— Думаю, как тебе объяснить.

— Ну, думай. Я на линии.

Варя прижимает письмо к груди, большим пальцем находит в приложении значок ключа. Дверь за её спиной щёл-

кает. Миша вытирает ноги о решётку. Оба проходят мимо лифта. До второго этажа близко, а в лифте пропадает связь.

* * *

На кухне Варя замечает, что принесла улицу на пятках. Линолеум мокрый, с песком, будто в квартире уже был обыск и теперь, когда всё самое важное случилось, можно заняться уборкой. Прежде всего она ставит чайник. В нём плавает засохшее берёзовое семечко. Варя выливает воду, вытирает изнутри пальцем. Вспоминает Мишин висок. Берёза у них растёт косо, почти касается кухонного окна. Значит, он стоял как раз под ним, пока решался позвонить.

Миша садится на табуретку. На соседнем стуле лежат листы с Тишиным лицом. Он машинально кладёт руки на колени, чтобы ничего не тронуть. Ася всё ещё на связи. Оба терпеливо слушают, как на том конце открывается шкаф, кто-то велит переобуться и, боже мой, дать хоть одну минуту в туалет сходить.

— Это Надя? — спрашивает Миша.

— Да. Я у неё. Под окном такси.

— Кто вызвал?

— Тётя Надя. За полторы тыщи. Так что не начинай.

Варя видит, как знакомые уши становятся красными. У её сына на холоде краснело одно левое. Выходит, кое-какие вещи и с таким лицом человек делает по-своему.

— Ась, я убил человека, — говорит Миша в телефон. — Ты можешь остаться у Нади.

С той стороны очень долго идёт вода. Потом Ася спрашивает:

— Того, чья мама сейчас с тобой?

— Да.

— Она слышала?

— Я слышала, — говорит Варя.

— Тогда я еду.

Связь обрывается. Миша выдыхает так, что на стекле кухонного шкафа белеет круг. Варя касается стекла. Оно горячее. Вот ей и дракон, не надо больше выпытывать ни про кролика, ни про чего. Ей вдруг ужасно хочется позвать покойную мать. Любопытная старуха была, всё просила, чтобы Варя сводила её хоть однажды поглядеть на настоящего. Гляди, мам, прямо к чаю.

На экране звонит Павел, координатор. Он удивительно соблюдает очерёдность. Сперва спрашивает, может ли Варя сесть. Потом — кто у неё. И только потом говорит, что в красильном сдвинулась плита, под ней нашли человеческую кисть. Операция продолжается. Надо подтвердить, на какой руке у Тихона шрам.

— Под подбородком шрам. На руках у него мозоли и обычно написано, что купить. Яйца, хлеб, вот это всё. Павел, послушайте, можно я не буду угадывать сына по частям?

— Можно. Вы простите, я уже часа четыре людей узнаю по списку примет. Отвыкаешь.

Миша поднимает палец, как школьник.

— Кисть в перчатке? — спрашивает он.

— А вы кто? — спрашивает Павел.

— Тот, кто был там до сегодняшнего утра. Если серая перчатка с резиновыми синими точками, то это моя. Я её набил грязью, чтобы никто крюк с ней не утащил, там мой шнур привязан. Дальше по шнуру до него два метра.

Павел обещает перезвонить. Варя наливает кипяток в кружки. Неприятно, что она успела похоронить рабочую перчатку. Ещё неприятнее, что испытала облегчение. От этого Тихон живее не сделался.

— А почему вы не со спасателями прямо сейчас?

— Я был. Меня вывели с другой стороны, через дом культуры. В машине сидел. Дал показания. Там человек записал, как меня зовут, какой год рождения, где я ночевал. Потом другой человек записал то же самое. В какой-то момент оказалось, что оба ждут третьего, а дверь открыта. Я обещал к вам прийти.

Он кладёт на стол сложенный клочок термоодеяла. В кармане с ним носил телефон, выключенный и разбитый. Ни Варин, ни Тишин провод ему не подойдут, да и провод тут, кажется, вообще не поможет.

— Если вы сегодня вышли, чего так долго шли?

— Искал дверь.

— Какую ещё дверь? Адрес же знали.

— Вашу. До адреса добрался быстро.

Варя видит, как он стоит внизу несколько часов на сквоз-

няке и выбирает минуту. Раньше у неё был готовый совет на такой случай: с этим не тянут. Теперь она благодарна ему за каждый час, когда успела ещё побыть матерью пропавшего.

Из чата пишет женщина с ласточкой вместо лица. «Очень рада за вас! Скажите, а как насчёт Радченко Виктории? Не упоминал? Моя сестра. Её все почему-то убрали». Варя читает, убирает телефон. В «очень рада» нет ни одного восклицания лишнего. Женщина вычитала это своё сообщение и наверняка уже жалеет, что про сестру спросила в ту же минуту. Потом напишет ещё один раз, ободрительно и совсем уж невозможно.

— Там была Виктория Радченко?

Миша берёт кружку двумя руками.

— Варвара Ильинична. Там была женщина. Я слышал, как она пела. Время от времени, все три дня. Мой голос тоже могут услышать через стену. Дальше идут трубы, по ним можно услышать человека из другого корпуса. Я сказал об этом людям у машины. Через полчаса они привели какого-то главного, он включил мне запись. На записи женщина говорит: «Я дома, в тепле, за меня не волнуйтесь». Спрашивает меня, эту ли я слышал. А я вообразите, сколько у меня было дел, пока она пела. Я, например, ногу сыну вашему держал обеими руками. Как я по такой записи мог понять?

Одна кружка со стола пропала. У него к ней прилипла ладонь. Глазурь чуть подсохла на костяшке, когда он разжал пальцы.

— Так вы ему и сказали?

— Я сказал, что голос женский. Тот человек кивнул, будто я ответил на его вопрос.

Варя достаёт телефон. Женщина с ласточкой успела приписать «Извините». Варя отвечает, оставляя в слове «слышыли» ошибку. Чтобы не успеть передумать.

«Её, возможно, слышыли. Позвоните мне».

В прихожей дважды коротко звякает звонок. Ася всё-таки успела до того, как позвонил Павел.

* * *

У Аси белая точка на кончике носа. Варя некоторое время не может понять, как оно устроено, потом догадывается — тональный крем. Девочка красилась в машине и забыла растереть. Она маленькая, в широком пуховике, за ней просторно проходит Надя с клеткой в чехле. Хомяка всё-таки привезли.

Надя в проёме снимает очки, протирает их, снова надевает. Брат встаёт из-за стола ей навстречу. Вся возня с очками существует, чтобы хватило времени придумать, кого Надя сейчас увидит. Времени ей не хватило.

— Мишка, ну твою же мать.

— И твою тоже, — говорит он.

Она даёт ему по затылку. Ася садится на корточки, не разуваясь, прислоняется к дверному косяку. Варя слишком хорошо знает это движение. Когда девочка слышит убедительный голос знакомого взрослого, у неё перестают работать но-

ги.

— Я отпишусь, что ты целый, — говорит Надя, и Миша хватает её за руку.

— А фотку какую поставишь?

— Могу поставить твои ботинки. Отпусти.

Надя занимается запчастями для холодильников, весь разговор её сопровождает негромкое дзыньканье. Кто-то хочет компрессор с доставкой до пятницы. Другой человек уже купил компрессор и теперь хотел бы знать, не найдётся ли «такой же, но рублей тысяч на восемь дешевле», потому что злой муж орёт. Знать бы Варе, как вернуться в мир, где злого мужа можно устранить скидкой на компрессор.

Ася идёт вслед за отцом на кухню. Он нащупывает под воротом цепочку, на которой прежде была маленькая серая пластинка. Цепочка осталась под фабрикой. Ася давно стеснялась брать его на людях за руку и, чтобы как-нибудь заменить этот жест, всегда поправляла ему ворот и проверяла пластинку. Сейчас она останавливается, не успев прикоснуться.

— Дай что-нибудь от себя, — просит Ася.

Он понимает сразу. Кладёт пальцы на край подсохшего ломтя. Мякиш темнеет, к корке подбегают крошечные тени, через кухню ползёт запах тостов. Когда Ася была совсем маленькая и у них не хватало на микроволновку, он подогревал так купленные на улице пирожки. Варя не спрашивает, откуда она это уже знает. Девочка всё рассказала лицом.

Ася отламывает угол, жуёт.

— Вчера дядя Витя из домового чата написал, что его знакомый узнал тебя в больнице в Мытищах. Знаешь, по чему узнал? У того человека два передних зуба вставные.

Миша осторожно ощупывает языком новые зубы.

— А у меня все свои теперь, получается, — говорит он и тут же смолкает.

Ася произносит слово, за которое обычно сама себе закрывает рот ладонью. В этот раз не закрывает. Достаёт клеёнчатый кошелёк. Кто-нибудь может дать ей разменять тысячу? Наличные будут нужны тёте, таксист ждёт внизу, у него до сих пор крутится счётчик.

— Я же заплатила, — говорит Надя.

— А он мне пишется, — говорит Ася.

На её телефон пришли четыре сообщения от незнакомого мужчины с требованием «не жать отказ, потому что возврат не пройдёт». Мужчина уже прислал карточку, на которой в качестве подписи фамилия Тиши. Варя смотрит, как по экрану ползёт всё новое: «Мы вместе лежали. Я свидетель. Готов предоставить. Нужно за дорогу». Надя берёт телефон племянницы, девочка отнимает.

— Мне четырнадцать, я знаю, кому деньги давать. Ты знаешь, кому на прошлой неделе отправила?

Миша оглядывается на женщин.

— Сколько?

— Сорок. Ладно, сорок восемь, — говорит Надя. — На

видео ты стоял на фоне белой двери и говорил, что сильно попал и нельзя к тебе никого посылать. Я сразу поняла, что хреново. Утром уже разобралась. Банк знает.

— Ась, ты в курсе была?

— Я вместе с ней смотрела. Только я спросила: чего это у тебя в октябре лицо всё в тополином пуху? А она уже перевела. Бабушка говорит, если сохранили фотки в телефоне, как будто теперь надо три раза их замок закрывать. Я ей объясняла, сколько ни закрывай, пух обратно не прилипнет.

Надя сглатывает. Должно быть, ей пришлось тащить эти сорок восемь через всю кухню, пальцами зацепившись за ручки пакета, и вот можно оставить на столе. Варя молча пододвигает к ней сахарницу.

Звонит женщина с ласточкой. Она представляется Верой, говорит из Риги. На секунду на экране показывается плита с кастрюлькой. Женщина переворачивает телефон. Теперь на экране лицо с проведённой под глазами чёрной полосой, словно на спектакле. Она говорила с мамой племянника и растирала тушь, не заметила. Вика — сестра Веры, работает в костюмерной. Их мать красила ткань на той же фабрике. После аварии Викторию искали почти сутки, потом в списке рядом с фамилией поставили слово «связь». Самой Вере не довелось с сестрой поговорить. Соседка переслала ей голосовое. Пересказывать женщина не станет, лучше даст послушать.

Из её телефона в Варин телефон и оттуда на тесную кухню

поверх шума на рижской кухне вплывает женское «я дома, в тепле, за меня не волнуйтесь». Варя ожидает, что Миша сейчас зажмурится, услышит в смутном отголоске ту, что пела за стеной. Он совершенно растерян. Зато у входа в коридор перестаёт грызть хлеб Ася.

— Можете ещё раз? — говорит она.

Вера повторяет. Слышно, как в конце сообщения, уже за словом «волнуйтесь», ровным голосом просят: «Теперь без чашки».

— А-а, — говорит Ася. — Так у нас в школе такие же есть. Серые одеяльца выдают, если сильно букву «с» свистишь. Это в будке записано. Я сама сидела. Знаете, на фабрике внизу раньше был кружок, куда люди приходили книги вслух читать?

Варя знает. Там работал Тиша. Если человеку было уже трудно держать телефон, ему накладывали на ладони салфетку, сверху диктофон, и он говорил внуку, как солить огурцы или где оставил деньги. Тишу три года назад за эту выдумку наградили настенными часами. Часы шли в обратную сторону, потому что были дизайнерские.

Вера ставит телефон на стол и исчезает с экрана. Долго слышно, как она возит по полу стул. Возвращается с прозрачным пакетом, полным одинаковых плоских конвертов.

— Я, кажется, даже знаю, когда это записали, — говорит она. — Четыре года назад. На случай, если маме станет страшно ночью. А мама у нас с Викой уже год как умерла.

* * *

Павел, который руководит в эту ночь добровольцами, в прошлой жизни был церковным регентом. Впрочем, прошлой жизни у него не было. В субботу ему предстоит вывести перед амвоном девять человек и убедить их одновременно вдохнуть. Сам он перестал петь в двадцать восемь лет по простой причине: выбило два передних зуба мячом, и с согласными некоторое время обстояло скверно. Этого времени хватило, чтобы стать учителем музыки, жениться, однажды выйти в лес с фонариком и обнаружить, что искать людей умеет почти каждый. Оставаться достаточно долго, чтобы найти, умеют немногие.

За четыре дня на фабрике его прозвали Павел Пересчитай. Его любимое слово действительно «пересчитай». Когда люди стоят у промёрзшего забора, им мало утешения оттого, что восемьдесят четыре сосчитали, а восемьдесят пятого просто надо пересчитать.

Сейчас он находит озябшую девушку из заводского кафе, наливает ей чаю и просит показать, как она услышала Викторию. Не что сказала. Как получила. Это два разных вопроса, которые сама девушка всю неделю принимала за один. Она приходит с работы, листает сообщения в группе бывших фабричных, там голос. Под ним написано «Вика» и два сложенных в молитве пальца. Она отвечает «Слава богу», пересылает. Ухо припечатывает к голосу сегодняшнее число.

— Вы её знаете?

— У неё вельветовые брюки, — говорит девушка. — Только я сейчас уже не помню, бордовые или зелёные. Хотите, я вам нарисую?

Когда людей за что-то подозревают, они обычно изо всех сил помогают в вещах, о которых их никто не спрашивал. Павел снимает с головы капюшон. Он всегда снимает капюшон перед разговором, хотя дождь в Щёлкове как раз перестал.

— Верю. А когда вы видели её в последний раз? Можно любое число, хоть пять лет назад.

— Да в четверг же, перед тем, как это всё. Влезла на подоконник, она всегда ногами лезет, чайник наверху прятали от тех, которые приезжают на английский по средам. Брали без спросу, так мало того, оставляли в нём лапшу.

— И брюки?

— Понятия не имею, какие на ней были брюки. Я же говорю, она вверх полезла, а я снизу чашку держу. Я вам могу сказать, что на подошве у неё белый крестик был. Сбоку такой, кривой.

Этого ему достаточно. Звонит руководителю спасателей, которого, как назло, тоже зовут Паша. Приходится добавлять отчество и невольно представляться с отчеством самому. Возле грузового пандуса из складного столика, термоса и ограждения за неполные сутки возникла канцелярия. Кто-то принёс им перекладную печать для детских игр с надписью «К оплате», поставил рядом с мокрым журналом. Усталый

человек в самом деле готов её шлёпнуть на любой лист.

Красильный цех обследуют профессионалы. Цех раньше был трёхэтажный, теперь по фотографиям с воздуха непонятно, из чего складывается это число. Маленькая пристройка осталась целой, но висит сверху над залом. С улицы похожа на раскрытую хлебницу. Павел не идёт туда, где от него потребуется физическая отвага вместо здравого смысла. Отправляет людей по соседним домам уточнять, была ли вообще услышана женщина за стеной.

Отправляет с двумя вопросами. Слышали ли голос? Где в это время стояли?

Если послать уточнять пение, весь микрорайон внезапно окажется музыкален.

Между столиком и пандусом крутится один лишний человек. Высокий, в прорезиненном дождевике с утраченной на груди белой надписью. Из-за опавших крошек букв похоже на звёздную карту. Павел видел этого высокого на фотографии в соцсетях, где он держит в руках гранёный куб за лучший районный культурный проект. Глеб Сажин, директор клуба «Изнанка». У них тут читальня, помещение для исторической фотографии, хор для тех, кому сказали в детстве, что нет слуха. Из оригинальных профессий — штопка ковров. Особенно популярна была в первый год, благодаря названию. В обоих словах в кружке любили ставить ударение не там.

— Глеб, у меня сейчас к вам будет дурацкий вопрос, —

говорит Павел. — Откуда у нас план вашего корпуса?

— От меня. Я выгрузил с диска. Тут перестраивали в тысяча девятьсот хрен знает каком. Все планы разные. Я вам подписывал.

— Почему на нём проход из комнаты, где хранили образцы, упирается в стену?

— Потому что он и упирается в стену.

— Ваша сотрудница в прошлый четверг забиралась на подоконник за чайником. На плане окно в комнате образцов заложено. Там нет подоконника. И я вот что думаю. Или у вас было больше одной такой комнаты, или вы нам дали не тот план.

Глеб пытается улыбнуться. Не хватает кожи на щеках, спускается только один уголок.

— А вы с людьми туда идёте?

— С моими — нет. С их людьми там уже работают.

Из кармана на груди Глеб достаёт сложенную бумагу. Не схему, вполне убедительно настоящую промокшую салфетку, с которой и сам не знает теперь что делать.

— Мне надо вашей девочке из кафе прежде всего передать, — говорит он, — что я всё равно эти деньги отдам. Ей и остальным. Независимо от того, как.

— Какие деньги?

— А она вам не сказала? Мы в четверг должны были съезжать. Вы хотите знать, сколько было людей внутри, если по табелю? Ни одного. Официально мы в понедельник сдали

ключи.

— Кому сдали?

— Мне же. Я арендовал помещение как один человек и принимал его назад как другой. Один из нас обязан был убедиться, что внутри никого нет. Хорошо бы я знал который.

Павел записывает имена людей, имевших после понедельника ключ. Первые четыре Глеб диктует по памяти, ещё три достаёт из телефона, девятого вспоминает, когда по тротуару проходит мужчина с чёрным пуделем. Потому что та, девятая, работает в собачьей парикмахерской, и у неё от этого загорода есть запасной ключ. Между седьмым и девятым пустая строка. Глеб говорит, восьмым был Тиша.

— Почему я этого ничего не знал?

— Вы знали, что они там были. А я всё думал, какая вам разница, чей ключ у них был, когда заходили.

— Есть разница, — говорит Павел. — Как минимум один человек пришёл, чтобы свой вернуть. И завтра будет кому спасибо сказать, если найдём.

В трубке оживает Паша со вторым именем. Перчатка и правда пуста. За ней нашли мужчину. Пока не опознали. И ещё одно: за стеной, за которой на полученном плане ничего нет, кто-то поёт. Не просят никаких ушей, чтобы привезли. Просто сообщают, что услышали сами.

Глеб опускает голову. С него очень аккуратно, поточечно, как за нитку, осыпаются последние две буквы.

* * *

За окном Вариной мастерской стоит очень приличный человек, которому неловко среди бела дня разглядывать женские ноги на плакате. Можно решить, что он коллекционирует чулки с сеткой. На самом деле от страха он целиком разучился читать. На плакате почти вровень с одним розовым коленом написано «Замена молний». Второй сапог хозяйка плаката зачем-то выбрала болотный и в нём нога огромная, как ручка у кувшина. Ничего из этого Егору не поможет.

Мальчик с зелёным велосипедом приваливает руль к стеклу. Егор ловит велосипед, чтобы не разбить витрину, мальчик благодарит через плечо, потом, подумав, возвращается пожать ему руку. Приходится оставаться человеком.

У Егора красивое пальто. За пять лет после развода он отрастил усы, которые Марине нравятся, а Варя при каждой встрече надеется, что уже сбрил. Подбородок Тиша получил у него. Наверное, досталась от него и привычка вышагивать последние сто метров по проезжей части, где снег уже продавлен шинами.

Варя приходит с ключами и небольшим пакетом, спускает ниже бровей шапку.

— А мне никто не позвонил, — говорит Егор.

— Я позвонила. Твоя Марина сказала, ты на объекте.

— Она не знает, как меня на объекте найти?

— Это к тебе вопрос, Егор. Где тебя искать?

Он внимательно изучает, как бывшая жена поднимает с пола поздравительные открытки. В щель под дверью ей на-

бросали исколотых кнопками листовок с фотографиями человека, которого нашли. А ночью положили одну гвоздику. Плохо приходится людям, которые привыкли соображать, что принести в гости.

— Ты скажи по-человечески, — просит он. — С самого начала.

— Не знаю я, где у него было начало. Тебе надо поесть?

На этом вопросе у Егора гнётся спина. Они садятся к раскройному столу. У него на плечах нарастает снег, которым вчера вечером сменился дождь. Господи, думает Варя, проживи мы вместе ещё чуть подольше, сейчас я сняла бы это пальто без вопросов. Приходится спрашивать, убирать ли. Егор говорит, что ему ещё на электричку. Он теперь живёт в Москве возле станции, с которой сюда ничего не идёт. Сначала доехать до вокзала, потом сюда. Целый день на одно дрянное путешествие.

— У него вообще есть свидетели?

— Записка у меня. Почерк Тишин.

— Скажи, ты рядом была, когда писал? Люди что угодно сегодня делают при помощи этой штуки. Мне на работу прислали самого меня, который на хрен увольняет всю смену.

— Ты тоже вполне способен.

Его рот дёргается. Они оба впервые за двадцать часов смеются.

Егор вытаскивает из кармана пластиковый пакет. Три кокосовых сырка, купленных у вокзала, завёрнуты в кассовый

чек. У кассира нашлось в настройках длинное Тишино имя за бонусную карту, и Егор ткнул экран по привычке туда, где написано «применить». Может, баллы списались, может, нет. В кульке почти легче носить последний световой день, чем эти три сырка.

— Ты привёл его сюда сухим прошлой зимой, помнишь? — спрашивает Варя, глядя на пакет. — После моей мамы. Вы поехали искать в гараж этот её патефон. Ты две недели мне рассказывал, что он забыл ключи. Куда вы поехали тогда?

— В бассейн.

— Бассейн у нас в городе. Вас до ночи не было.

— В хороший бассейн. С баней. Мы просидели в раздевалке часа три. Собирались и не могли пойти плавать, у него резко от запаха хлорки перед глазами больница твоя встала. Он же в последние недели за бабушкой ходил. Я это видел, Варь. Ты бесишься, что меня не было, а я это видел.

Оказывается, есть время, о котором ей никто не расскажет. Полдня в раздевалке, отец и сын, размокшие резиновые тапки. Про такие вещи она никогда не умела спросить, думала, каждая семья про себя знает достаточно.

Звонит Павел. В красильном нашли тело. На фото, которое в силу просьбы Вари присылать не станут, под толстым воротником белая дуга под подбородком. Уже вызвали нужных людей, прямой разговор будет в городе, его проведёт следователь Нестерова. Петь за трубой перестали. Во всяком

случае, теперь тихо.

Егор поднимается.

— Можно я гляну на него?

— На кого, Егор?

— На сына, господи. На которого из них мне теперь можно хотеть смотреть?

В мастерскую заходят двое мальчишек с высоким мятым сапогом. Пара каждого стоила бы больше Вариной мебели. Внутри тайник с предложением о свидании. Клапан нужен такой, чтобы можно было уронить сапог на перемене, споткнуться об него и выдернуть белую полоску. На полоске тиснёными буквами «Инка, пошли в кино». На вопрос Вари, чем их не устраивает обычный телефон, младший отвечает вполне резонно:

— По телефону она уже один раз отказалась.

— Как думаешь, с сапогом её лучше слышно?

Мальчики переглядываются, благодарят и уходят. Стеклянная дверь долго раскачивает подвешенный над ней колокольчик.

— А я своего пацана уже года два не слышал, выходит, — говорит Егор. — В смысле, чтобы дольше голосового.

Варя берёт с прилавка самый маленький сырок, делит прямо в обёртке тупым краем швейной линейки. Половину протягивает ему. Половину ест сама. Остальные ещё можно отнести, хотя ни один из них теперь не понимает, кому.

* * *

Ася учится дистанционно по совершенно уважительной причине. Если мать говорит классной, что девочке надо побыть с папой, даже самая строгая учительница соглашается. Беда в том, что её матери врать некому. Мама Аси живёт с другим мужчиной в Салониках. Говорит из места, где до сих пор под тентами едят на улице и трамвайные билеты продаются в лавке с орехами. Сначала уехала на полгода, потом осталась. Когда стало можно забирать к себе дочь, у дочери тут уже оказалось ровно столько людей, сколько помещается на всём старом снимке из детского сада.

Сегодня утром мама очень бодро говорит, что в понедельник займётся билетами. Это означает, что в ближайшие воскресенья её точно не надо ждать.

Ася сидит в Вариной спальне. Варя уступила ей кровать на одну ночь, а утром просто перестелила. На тумбочке с портретом покойной старухи коробочка для слухового аппарата. Коробочка розовая, в мелких насечках, как язык у кошки. Промышленный дизайн пытается сказать старому человеку, будто это вещь для девочки и её надо любить. Наушники самой Аси серые, похожие на два обломка советского радиатора. Каждая из них, видимо, купила наушники другой.

В классном чате тридцать шесть голосов за то, чтобы её спросить, как у неё дела, и пока ни одного человека, который спросил лично. Ребята боятся написать что-то не то. Сама она в сентябре тоже проголосовала, чтобы спросить об операции Кирилла, и лично не написала. Теперь она знает, ка-

кие они тогда все молодцы. Заходит в чат с Кириллом, спрашивает, как нога. Через минуту он шлёт снимок абсолютно ужасных клетчатых кед с подписью «Подозреваю что уже лучше чем у тебя». Ему ещё некуда ставить запятые, думает Ася.

Папа дремлет в кресле. Положил себе на колени руку и трогает пальцем ту самую развилку вен, которую у чужих людей почти никогда не увидишь. Развилка у него уехала чуть вбок, к основанию большого пальца. Ася пялится на него и думает довольно страшную вещь. Если сейчас убрать из комнаты ботинки, поставить на нейтральный фон, посадить саму Асю в глухие наушники, через сколько минут она поймёт, что это папа? Поняла бы вообще? У него даже желудок урчит теперь выше, тоньше.

— У тебя же был зуб слева, который торчал. Я его никогда не любила, — говорит она.

Папа открывает глаза.

— А сейчас как узнал бы меня, если бы я в четырнадцать лет изменилась за одно утро?

— Знаешь, — говорит он, — однажды так примерно и вышло. Осенью ещё добрый ребёнок был, а весной я открыл рот и вдруг оказался старой рухлядью. Хожу вот уже второй год и прикидываю, куда меня поставить, чтобы не мешался.

Ася придвигает ближе стул. Папа хочет курить. Он бросил двенадцать лет назад, рассказывала Надя, а этот Тиша, кажется, курил. Ася обнюхивает отцовскую рубашку, точно он

мог вчера прикурить под землёй. Запах дешёвого тюльпана в школьном туалете. Тут ночью кто-то протирал полы.

— Можно фотку? Настоящую?

Он принимает страдальческую позу. Она вдруг понимает, что у человека могут болеть кости, даже если ему дали чужие, за которые он расписался в получении. Самую первую фотографию в новом лице делает, как назло, фронталка, у которой от поцарапанного стекла все выглядят приятно. На экране появляется незнакомец, похожий на футболиста, отец совершенно исчезает. Ася чувствует такую злость, что кидает телефон в одеяло.

— Ну и славно, — говорит Миша. — Не станешь хранить.

— Да ты-то чего радуешься? Что я тебя больше ни одного раза нигде ни с кем не могу поставить? Что я под каждым сраным фото всю жизнь буду объяснять?

— Я думал, ты наоборот.

— Я хотела один снимок, на котором я тебя вижу.

Он просит саму Асю пересесть. Поднимает одеяло, находит её телефон, вручает обратно и садится на пол спиной к кровати, где сидит девочка. Потом дотягивается до носка и привычно потирает заусенец у большого пальца через дырку. У него с рождения на руках какая-то печка, все носки перегорают на ногтях. Даже когда не трогает. Хорошо бы кто-нибудь на уроках материаловедения сделал приличный носок человеку с подогревом.

Ася снимает. Здесь он смешон, сутул, следит, чтобы её

нога не оказалась у него под задом, а её собственное лицо, попавшее в дальний угол, испугано примерно на двести процентов. Совершенно обычный их семейный снимок. Вообще-то у них ни разу нормальных не было.

— Мамке пошлю, — говорит она.

Папа хмыкает.

— Вот это слово прямо сегодня мне уже внесли в печёнку.

Она хочет спросить, что за слово, и замечает, что он опять стал пальцем тереть место, где раньше была развилка вен.

— Ты помнишь человека, чьё лицо взял? У себя внутри?

— Всё, что он мне сказал, помню. Что не сказал, не знаю.

— Значит, ты впервые?

— Да.

— Я была маленькая, спорила с Кешкой, что ты ни разу этого не делал. Ты всегда говорил, что я не имею права про другого человека такие вещи обещать. Мог бы мне хотя бы взглядом подсказать. Кешка мне теперь должен три чупа-чупса.

— А чего у тебя такая рекордная беседа со мной получается? Вообще-то я тебе вчера ещё ответил бы на любые вопросы.

— Тебя вчера не было, — говорит Ася.

Тут уж ему нечего возразить. Она удаляет фотографию с фронталки. В альбом для мамы кладёт ту, где он сидит рядом с её носком. Ещё кладёт обычную себя на качелях на площадке. Подписывает: «Я остаюсь дома. Если приедешь,

пошли за сапогами. Синими».

Оба почти в одну секунду слышат гудение кухонной розетки. У Аси слух на электроприборы от отца. Папа спешит к щитку. Пока ещё в чужом доме он чувствует, от какой линии плохой звук. Давно он так не улыбался. Впервые за четыре дня кто-то позвал его заниматься собственным делом, пусть даже розетка.

* * *

Ветер на улице приходит со стороны воды. В такую погоду бельё у Веры на рижском балконе никогда не высыхает, только обменивается влагой с более свежей. Зато вид получается весёлый, будто дома три девочки и вот только сейчас все вместе играли в ванной. Девочка у неё одна, ей тридцать два, у неё муж из Бреста и две кошки, погрызшие диван за такую сумму, будто ели чистое серебро.

Вера достаёт один плоский конверт за другим. На каждом почерком её сестры Вики написано, кого позвать, если мама проснётся. Буква В у Вики одним движением, с кривой петелькой наверху. Мать перед смертью узнавала собственные туфли, узнавала трёх медсестёр по запаху крема для рук, очень редко одного из двоих своих детей. Пережила это дольше всех старая кошка в бабушкиной квартире: её звали Мадам, и она четыре года каждое утро подходила к одной и той же половине двери. Потом кто-то из родных стал ставить ей блюдечко к другой, и в конце концов эта даже чужая беда устроилась.

Когда Варя перезванивает, Вера уже составила две кучки. В одной голоса для мамы, во второй для других людей. Был период, когда дочка очень сердилась за мать: родная бабка в Подмосковье забывает слова целыми днями, а Вера тратит время в рижской квартирке, объясняя какой-то малознакомой женщине из Твери, как сохранить чужое пожелание спокойной ночи в маленьком медном шарике. К слову, в шарик не удалось. Никто так особенно и не выяснил, что имела в виду заказчица.

— Нашла, — говорит Вера.

Они слушают запись. Голос Виктории мало меняется на множестве дорожек, как будто все годы она обедала очень горячими супами и навечно осталась с мягким выдохом на букве «т». В конце мужчина притрагивается к микрофону и говорит «теперь без чашки». Этого мужчину Варя родила.

— Ему двадцать, — неожиданно произносит она. — Ему здесь двадцать. Новый провод ещё не купил, всё цеплялось, слышите дребезжит? Он вечером испортил юбилей дяде Диме, потому что у колонок этот шорох то есть, то нет. Поехал через всю Москву в чёрт-те какую улицу его менять.

Вера пытается представить себе, какая у Вари сейчас полоса перед глазами. На собственном экране в углу видно посуду, волосы на затылке торчат. Обычно она убирает камеру повыше, чтобы шея без складок. Сейчас бы и хорошо, чтобы рядом был кто-то, кто смотрит на складки.

Позади Вари на секунду показывается Егор. Вера с ним

незнакома, но уши стоят точно как у мальчика, который мастерил матери голоса. Отцы очень редко видят, как их сыновья выходят на сцену чужой памяти, думает она. А матери там что-то вроде гардеробщиц, всегда помнят, кто какую куртку когда-то повесил.

— Я пришлю исходник, — говорит Вера. — Это слово такое есть? Черновик? На диске записано время. Вика всегда хранила отдельно и бирки приклеивала. Архив был у клуба, у сестры и у меня. Если в чат попало из клуба, надо искать, откуда отправили. Если у меня, не знаю. Я людям раньше рассылала, когда они спрашивали, как это вообще звучит. Могла дура переслать кому угодно.

— Почему дурой-то? — спрашивает Егор откуда-то из квартиры. — У нас вон, мог человек засолить огурцы по чужой бабушке, и всем было достаточно.

— Огурцы не могли опознать живого.

До Веры доносится звук закипающего чайника. Варя пытается назвать, какая по счёту ночь, не может. Вера показывает ей в окне рижскую набережную со своим отражением и висящим бельём, и несколько минут они ни о чём друг друга не просят. Остаток какао на плите тихо переваривается в пасту для обуви.

После разговора Вера открывает страницу, которую держала закреплённой два года и десять месяцев. «Шукаю брата». Её бывшая невестка Тамара родилась под Харьковом. У Тамары там остался двоюродный брат Андрий, телефоны ко-

торого однажды замолчали. У неё есть один снимок мужчины сверху, где невозможно понять, Андрий ли, и подробный рассказ о том, как он уехал на машине неизвестного цвета. Со временем машина становилась у очевидцев всё синее, а лицо мужчины белее. На этом вся их семья прожила три новогодних праздника. Дочка Тамары решила стать офтальмологом. Может быть, она всю жизнь будет рассматривать следы, которые оставляет на человеке свет.

«Я теперь тебя, кажется, понимаю», — печатает Вера. Стирает. Относиться к Тамаре как к женщине, чью жизнь можно понять с полусуток дежурства у браузера, было бы особым скотством. Пишет вместо этого: «Пришли, пожалуйста, тот ваш бланк, где по каждому звонку отмечено, кто услышал и от кого». Получает сразу, минуты за две, значит, человек и ночью ложится с телефоном. К бланку прилагается рисунок от руки на полях. Мышка в двух кроссовках. Совершенно глупая мышка, нарисованная в день, когда Тамаре на шесть минут стало скучно. Веру это довольно неожиданно утешает. Скука хотя бы иногда добирается даже до её родных.

Она заводит таблицу. Немного думает и в первой графе пишет «Кому принадлежит голос». Во второй — «В какой день». В третьей — «Кому говорила». Оказывается, с возрастом делать хорошие таблицы вовсе не стыдно. В первой строке она набирает «Виктория», потом удаляет фамильярное «Вика», потом возвращает. Вот ещё. Идут они все к чёр-

ту, сестра у неё одна.

Когда приходит утро, Вера замечает, что два из пересланных ей людьми файлов с разными названиями обрываются на одной и той же точке. Один сделан для матери, второй — извещение в городской группе. Извещение короче на полторы секунды. Если чуть-чуть прибавить звук, на длинном исходнике после слов про чашку Тиша ещё успевает спросить: «Кому копию?» Ему отвечают. Вера прибавляет громкость.

* * *

У Нестеровой на столе живёт герань, совершенно лишённая возможности отвернуться от окна. Два года назад её поставили в кружку юбилейной экспедиции, у кружки большая квадратная ручка, которая упирается в стопу с бланками. Когда Нестерова пытается поворачивать растение к свету другой стороной, рушатся бланки. Когда переставляет бланки, отпадает оконечность маленькой полочки, которую они подпирают. По этой причине государственная служба способствует одностороннему развитию местной флоры.

Уже из коридора Варя слышит, как в кабинете собираются опознавать мальчика. Слово «мальчик» вытягивает голос женщины, как фальшивая нота; по остальному у неё правильная ровная речь, даже предлоги произносятся каждый отдельно и отчётливо. У двери Егор отступает и пропускает Варю вперёд.

На экране обыкновенная фотография. Плохая привычка у Вари — сперва смотреть на рубашку, чтобы оценить ворот-

ник, затем уже на человека. На сыне рубашка нетипичная, мягкая, синяя. Когда долго лежит в сырых руках, ворс так и остаётся приглажен в одну сторону. Под ключицей сереет чистая кожа в форме тонкого полумесяца. Это место она накануне трогала у живого Миши взглядом. У Тиши на картинке ещё не успели убрать с ресниц пыль.

— Можете увеличить левое ухо? — спрашивает Егор. Голос нормальный.

Женщина увеличивает.

— У него тут складка. Когда он родился, ему это ухо заклеивали к голове пластырем, чтоб разравнялось. Он постоянно крутился и плакал. У второго пластыря мать поругалась с врачом, и мы оставили ухо в покое. Я хочу, чтоб вы себе записали, если лицо не считается вещью, по которой можно узнать человека.

— Считается. Складку тоже запишем.

Они узнают сына по очереди. Сначала его отец узнаёт ухо, потом Варя замечает вылинявшие нитки на вороте. Тиша один раз пришёл в мастерскую за крупными ножницами, порезал новую фланелевую ткань, раскроенную для заказа, а вечером принёс ей рубашку. Будто любую испорченную вещь можно возместить собственной. Она тогда так разозлилась, что продержала эту рубашку в нижнем ящике два года, пока прощала ему чужую фланель. Потом вшила две синие нитки вместе с белой. Плохо видела, экономила на очках. Сейчас белая нитка там, где она и должна быть, под вторым

зубчиком планки.

— Это Тиша, — говорит Варя.

Нестерова ставит снимок так, чтобы он был виден ей и не виден сидящим напротив. Предлагает воды. Варя выпила бы самой простой, только бы не из тонкого белого стаканчика, в который кладут анализы, семечки, холодный кофе и всё остальное, что решено выбросить. Егор просит разрешения потрогать фотографию. Разрешение даётся. Очень медленно хватает он сына за ухо двумя кончиками пальцев сквозь стекло планшета. Документируют они это или не документируют, Варе всё равно.

— А Тишин телефон как? — спрашивает она.

— Один сдали спасатели, один был при мужчине, который дошёл до вас. Из первого влагу выгоняют, из второго сыплется что-то похожее на соли меди. Очень редко эти соли образуются в кармане. Думаем, мог добраться до воды с остатками краски. Вас не затруднит подождать? Вы первая, кто записку брал у него?

Егор смотрит на Варю. Она достаёт квитанцию, в которой два раза шла к сыну через одно и то же слово. Нестерова приносит прозрачную обложку для хранения открыток. Предлагает сделать копию при ней и отдать оригинал под расписку. Варя говорит, что фразу понял бы и человек, который живёт в шестнадцатой квартире и у которого недавно умер семнадцатилетний лабрадор. Начальство для того и существует, чтобы забирать у человека последнюю вещь, которую тому

дали лично.

— Меня мама подкармливала в школе записочками, — вдруг говорит Нестерова. — Клала в сумку с лыжной формой. Однажды написала «Очень тебя хочу видеть». Я испугалась, полдня ревела. Оказалось, хотела посмотреть новую шапку, я до неё с тренировки уходила. Вы можете сами фотографировать, сколько вам будет нужно. Тут есть сканер. Я вам сниму обе стороны.

— А вас-то саму как зовут?

— Даша.

— Даша, у меня на этом листке ещё заказ написан. Для Тиши заказ. Вы знаете, с другой стороны?

Впервые они переворачивают пробитую маслом бумагу при нормальном свете. В разлиновке фабричного бланка простым карандашом стоит заказ «Детские рыжие. Заводь № 8. Суббота». На следующей строке крошечная стрелка, направленная вверх, и двойка, похожая на певчего лебедя.

— Кто это писал?

— Я. Только года три назад. Рыжие детские ботинки приехала с фабрики забирать одна женщина. Я тогда сама не понимала, что за такая Заводь. Внизу был клуб, какой-то спектакль, не помню даже названия. Если надо будет, спрошу у Тиши.

Варя говорит эти слова совершенно вменяемым голосом. Голова ещё не научилась устраивать мир на одного человека меньше.

— Мне кажется, нам теперь рановато возвращаться домой, — говорит Егор.

Нестерова отдаёт им копию записки в плотном файле, предлагает телефон, по которому можно позвонить лично ей. Варя суёт лист в застёжку сумки. У выхода на календаре отпечатана рыба со спинным плавником, похожим на перевёрнутую синюю варежку. Под рыбой телефон пекарни «Крупник». Если запомнить последние четыре цифры номера в этот момент, будешь помнить их дольше имени внука.

Варя сразу же запоминает их навсегда.

* * *

Маленькая лодка с именем «Заводь» никогда не выходила на воду. Её с двенадцатого года собирали в клубе шестеро людей, которые не договорились, где у неё будет корма. Тайный смысл существования лодки заключался в том, чтобы садиться на край и болтать ногами, дожидаясь своей очереди в театральную студию. Очередь нечаянно пережила театр.

Егор ходит между школьными столами в помещении бывшей столовой. Спасатели поставили сюда раскладушки и длинные большие листы с фломастерами. Каждый человек, живой или мёртвый, имеет рост, ширину плеч, возможность поместиться в чью-то память. Напротив времени и места на бумаге должны быть три или четыре буквы. «Вид». «Слыш». «Со сл». После неприличного «со сл» мерещится слово «осёл». Волонтёры втайне рисуют на букве «л» уши, чтобы не потерять юмор после двух подряд ночных смен.

— На фабрику нельзя. Кого из своих вы ждёте?

Подошедшему парню восемнадцать, он в тёплой шапке с завязками будто из Агнии Барто, через нос тянется белая полоска от долго ношеных очков. Егор называет сына. Парень перестаёт надкусывать бутерброд. Его костюм тщательно высушен с одной стороны.

— Я Илья. Занимался у него монтажом. Хотите, покажу что-нибудь? Он всем нам показывал.

— Чего хотел бы, ты мне не покажешь, — говорит Егор.

Илья кивает. При знакомстве со взрослыми у него заготовлена улыбка, чуть леноватая и безукоризненно вежливая, хорошая вещь для жизни с чужими взрослыми. Сейчас он её с облегчением убирает.

— Он хотел уезжать. У вас есть где-то его документы на поездку? Он мне сказал, в декабре надо ему свою работу передать. А то прям нужно такое чувство, что он мог выходить из комнаты.

На Варином лице, наверное, что-то меняется, потому что Илья начинает пятиться. Не нужно ничего знать взрослым о двадцатичетырёхлетнем парне, который собрался уехать. Всякое может статься. Может, он ещё передумает. Будем ему объяснять помягче, Варь, когда доберётся до дома, как много на Руси осталось без него недоеденных конфет.

— Куда?

— В Архангельск. На год примерно. В рыбацких посёлках у них школа радио. Записывать людей, чтобы внуки, кто

в городе, могли услышать. Я ему говорю, в Турабьеве есть почти такое же, только ближе. Так он сказал, однажды надо пожить так, чтобы мама из Щёлкова пешком не дошла.

У Вари на языке вертится, что до Архангельска женщины доходили и босиком, вопрос в количестве выходных. Илья показывает на карте лодку. Сама лодка стоит в таком узком помещении, что вынести её возможно только в окно на большой ременной ленте, которой раньше красильни передавали наверх сукно. В сентябре Илья попросил у Тихона ключ от соседней выгородки, потому что там была старая щитовая при клубе. В углу шкаф, полный кабелей. Клубный звукорежиссёр — это человек, который приводит кабели, словно бездомных животных, и кормит их оставшимся электричеством. По кабелю можно добраться до каждого, кому открыли студию после работы.

— Мне бы знать, вот эти слова «Заводь № 8» на что похожи.

К Вариному локтю тут же прислоняется женщина лет семидесяти с лишним. Щёки у неё красные от ветра. На одной бегут две белые полоски: женщина только что стянула с лица тугой шарф. На спине удобный городской рюкзак, набитый хлебом. Всю ночь мазала майонезом бутерброды на продажу и утром решила раздать, потому что десять человек в спецовках накинулись на хлеб с таким лицом, с каким ей самой помнятся только восьмидесятые. Возможно, в молодости она была высокомерной и теперь ей трудно смотреть

на фотографии.

— Восьмёрка — это наше окно. Ну, то, в которое на солнце нельзя смотреть, потому что белые нитки слепят глаза. Все места внизу звали лодками. Челноки если ходили, то почему не лодки. Они возле корыта были. Здесь сами не возитесь. Дайте наушники.

Они слушают запись Вики. Мишино «могла быть» и Варину надежду, что женщина на другой стороне достаточно стара, чтобы не принимать собственного голоса за подарок сыну. Но старушка слушает совершенно другое.

— Тут сороковой номер, — говорит она.

— В смысле?

— Слышите, дрожит стекло. У восьмой лодки вечно убрать лампу надо было, жужжит, сволочь. А это сороковой. Там под полом сидела сушилка, её не выключили, когда уже все разошлись, потому что останавливали долго. Чуть пониже ступеньки дверь. Скажите, где отметить, что я здесь работала? У меня, кроме фотографий, книжка трудовая с собой. Внук хотел выставить её на продажу, пришлось забирать.

— Вы что, помощи ищете? — спрашивает Варя.

— Я Серафима Михайловна. Ваши ботинки, между прочим, до сих пор у меня дома рыжие, не влезают никому. Ехала с ними сюда, думала отдать костюмерам, да так и вожу с собой. Тут ещё бутерброды. Уж распродала бы их кому-нибудь, так ведь у этих ребят и денег взять совестно. С бабушкой вашей сорок лет рядом. Хорошо она шила. Слов на лю-

дей жалела, ткани нет.

Егор просит её показать другую сторону старой лестницы. Ставит на рисунке палец, обведённый обручальным кольцом. Серафима Михайловна смотрит на него немного дольше, чем следовало бы невесть кому.

— А вы, стало быть, опять вернулись, — произносит она почти радостно. — А я уж думала, после того четверга вас отсюда никаким калачом.

Варя поворачивается к нему. Он снимает руку с рисунка. Кольцо у него держится на толстой белой полосе кожи. Почему-то именно это выдаёт, что он успел забыть, как раньше были устроены его руки.

— Ты в четверг где был? — спрашивает она.

— В мастерской у сына. У своей лодки он хотел перед уходом нас двоих записать. На одну дорожку. Я думал, ещё раз успею к нему.

Через неделю Егор будет вспоминать этот разговор странным образом. Он помнил, что сказал правду. В суде соврать тоже можно было бы до конца предложения, но здесь, в обычной столовой, под взглядом Серафимы Михайловны, ему до конца предложения не хватило ни единой свободной лжи.

* * *

Наде пора за товаром. В холодильниках, доставленных в починку, люди порой оставляют такую еду, что в мастерской образовались два постоянных квартиранта. Муха с по-

лосатой спиной, которая умудряется зимовать над конференционным проектором, и шайба сушёной воблы, которую она думает предложить студентам-археологам на растерзание. Её фургон проходит возле школы. Ася, которую пришлось взять с собой, пригибается. На крыльце ребята из девятого «А», все они очень квалифицированные зрители чужого домашнего ада. От них за милю пахнет попкорном, даже когда у них перемена прямо перед контрольной.

— Тут сейчас будет вывеска, — говорит Надя, — я под ней в восемнадцать лет твоего папу нашла.

— Он давно твой брат или вы прямо тут договорились?

— Человека на работе найти вполне можно, умная какая. Он тогда государственный диплом имел красный, длинные волосы и штаны, какие даже наша бабушка постеснялась бы подстелить своей козе. Балансир был у машины, где пластик льётся для лотков. Папа сидел, рукой грел балансир. Играли в дурочку: вместо дорогой детали взять на смену дракона, пусть хоть бесплатно. Я его на Ногинск записала в контору, чтобы он холодильными установками занялся. Что за глупая работа, сама понимаешь: нанять человека, который только и может, что нагреть, чтоб он, значит, охлаждал.

— Ну и?

— Ты много знаешь людей, которые настолько хорошо знают, где внутри железяки живёт тепло?

Надя останавливается возле забора с облупившейся зелёной краской. Под ногами в кабине пакет костюмных пуговиц,

доставшихся по бартеру с бывшей конторы «Изнанка». Тамошние люди были готовы платить за холодную воду костюмами, пуговицами, старыми патефонами и ещё неизвестно чем. Они сохраняли послания глухим, занимались юбилеями организаций, записывали чужие доносы на «случай смерти». Тиша всех таких просителей отправлял к юристу или на вокзал. Надя помнит, как Сажин сказал однажды: «Почему, если человек хочет сам кому-то испортить жизнь, ты хватаешься и делаешь его сокровищем вместо него?»

— Я в тот четверг с папой поругалась, — говорит Ася.

— Так.

— Началось с картонного папы. И с его пенсии, — говорит Ася. Надя решает, что слова от горя перемешались. — Картон, картон! Здоровенная фигура с его мордой. Они в клубе придумали делать такие стойки, чтобы у людей, которым лет уже много, были свои ростовые портреты, и можно послать ребёнку в другую страну. Он говорил: в старости попробуй прожить ещё двадцать лет с пластиковым собой, который в шкафу стоит и голубым пиджаком тебе стыдит.

— А пенсионные?

— Ну, мама ему объясняет, как там у них в Греции всё хорошо со страховкой на старость, и как нам надо ему платить добровольные. Стала говорить так: «А если тело поменяешь, кто тебя признает?» Он слушал долго, потом включил погромче, стал мыть посуду. Вода кругом плещет, Маша про пенсию. И, понимаешь, папа очень спокойно ей сказал,

что, по-хорошему, меня из комнаты убирают в таких случаях. Я и убежала.

— Да-да, вы в четверг вообще должны были мне мышеловку привести. У меня дома уже скоро ковёр с собой унесут.

— Мы с Кирюхой записали ролик про картон. Выложили в местное. Там папа три раза говорит «Моя дочь вообще гениальная». Мы это из разных кусков собрали, он правда сказал, только про дельфина. Ругаться стал. Я сказала, что он два года как с ума сошёл насчёт того, кто чей голос кусочком взял. В школе все так делают. А он сказал: не позволяю.

— Он имеет право, — отвечает Надя.

— Я тоже что-то имею. Не пускают меня обратно в группу кино, потому что он пришёл и как ненормальный лично потребовал. Мы в среду с ним не разговаривали, в четверг он пошёл в клуб. Я его послала, а он пошёл.

— Помешала тем, кто старыми голосами торгует. Понятно теперь, зачем он туда пришёл? — спрашивает Надя.

— Он компрессор чинить вообще-то пришёл. Это же ты ему дала заказ.

Надя отворачивается. Выходит из машины. Очень долго возится с задней дверью, не может определить, какой ногой проще вступить в полосу снежной жижи. Серая рукавица без пальцев мокнет на ступеньке склада. Если её тронуть, внутри ползёт настоящая мокрая ладонь. Ася зажмуривается. Просто такую уродливую форму имеет пряжа весом в тринадцать граммов, когда никому не нужна.

Она решает позвонить папе. Если он опять скажет, что занят, придётся ждать до вечера. Уже один раз ждала до вечера целых четыре дня.

— Что мне выбросить из твоих вещей? — вместо приветствия спрашивает она. — Ты ведь новую куртку будешь покупать и штаны. Это только ноги у тебя одинаковые, или все размеры как-то остались? Надя говорит, у них ящерица меняла кожу, была вяленькая, а потом через неделю опять ожила. Саша с последней парты сказал, у вас такая же линька. Тебе на неделю выдаётся её старая высохшая башка?

Отец тяжело дышит. Кажется, идёт. По асфальту. Сквозь трубку они вдвоём сейчас находятся в менее чем километре друг от друга, но всякий раз, как телефон врёт, этот километр выглядит очень длинным.

— Я почти всё там оставил, Ась. Лицо новое не надевается сверху. Я назад вернуться не могу.

— Ничего нельзя сделать?

— Можно. У меня по-прежнему были права на машину, на которой ты сидишь. Зайди вечером в бардачок и вынь. Хочу оставить на память. Ещё там фотка твоей мамы, она на ней очень стройная и её догоняет подстриженная овца.

— У мамы что, серьёзно короткая стрижка?

— У овцы.

— Шутник. Это ты куда?

— В отдел. Сказал, что приду. И надо зубы посмотреть где-то. Мне кажется, у Тихона тут восьмёрка лезет.

Почему-то это её окончательно раздавливает. Стать чужим человеком настолько, что у него во рту болит чей-то растущий зуб. Ей хочется сорвать пакет пуговиц, дать ими в стену, чтобы всей стеклянной россыпью по железу. Но от этого потом ещё собирать. Взрослеешь, когда не хочешь лишний раз собирать последствия собственного хорошего замаха.

— Пап, вот ты у меня один, — говорит Ася. — Я тебя люблю. Ну, это я так. У меня сейчас с физры отпроситься надо, сам понимаешь. Мало ли что.

— Я понял. А ты у меня вообще не одна.

Она делает вдох большим ртом.

— У меня ещё хомяк Халва. И тётя, если позволишь считать тётю. И мамина подстриженная овца. Я тебя люблю, Ась. Хватит мне все права на весь ассортимент отдавать.

* * *

У Асиных одноклассников обед. Илья тащит широкие пакеты чёрного хлеба от машины в теплушку. Глеб разговаривает с человеком, который владеет коптильней на городской окраине. В разговоре фамилия директора звучит как «братан», при этом никакого родства и даже намёка на склонность к нему у этих двоих нет. Одному другому понадобится к утру помещение с электричеством. Тот в ответ сообщает, что за его помещение уже два месяца не платят клубные. У кого-то в Щёлкове долг по старой дружбе выдали по двум совершенно разным адресам.

В проходе мимо них появляется женщина в короткой лисьей шубке, явно пришедшая с фотографии новогодней ночи какого-то уже невозможного года. Рыжий мех влажный и немного пахнет пожилым псом. Она показывает Глебу старый пропуск, объясняет, что знает дверь в чулан.

— У нас нет чулана в описи, — отвечает Глеб.

— С тех пор как вы на заводе, у вас ни черта нет. Скажите, господин хороший, мой чулан прямо здесь стоит, а я в него из-за вас даже в туалет не войду?

У Серафимы Михайловны припухли стопы. Она весь прошлый вечер бегала к водителю с бутербродами, раскладывая их на капоте машины, на котором потом гидравлические какие-то приборы разворачивали. Он ей один назад принёс, оба края аккуратно обрезал. Сказал: дети в детском саду точно такие любят. Ему тридцать шесть, всё ещё в восторге, что хлеб можно намазать с двух сторон. Где только их берут таких, удивляется Серафима каждый вечер, вставая затемно за своим хлебом.

Глеб наконец понимает, о какой двери идёт речь, и ведёт старуху в штаб спасателей. Она вытаскивает из сумки дощечку с латунными окошками, на обороте фотографии. С одной стороны на фабричном дворе в белых платочках стоят щурящиеся девушки. Одна держит кружку у подбородка, другая, судя по отклонённому локтю, застёгивает подруге лифчик сзади. На обороте снимка надпись «Делегатки, начало смены». Ни одной делегатке во время начала смены дела нет

до этих мелочей.

— Я вам что покажу. Вот здесь, где Тамара стоит и поправляет Любане лямку, есть форточка. Её потом заставили шкафами, отсюда уже не видать. Вы её ищете на земле. В земле у вас второй свет. Предки были поменьше, но через окно по-прежнему пробирались люди основательного размера. Вы мне только дайте эту линейку так, чтоб она не моталась у меня под пальцами.

Руководитель спасателей слушает сперва минуту, потом просит принести масштабную подложку. Реальную задачу он с Серафимой не обсуждает. Узнаёт у неё, правда ли, что в подвал годами текло из тёплого колодца; с какой стороны стоял мотор и откуда она видит фамилию подруги. На снимке не написано, что это Тамара поправляет лямку Любане, а не наоборот. Старуха сначала смотрит на него с жалостью, потом перестаёт обижаться.

— Тамара у меня всю жизнь была левшой. За это её и взять ни в один нормальный цех не хотели. А по проходу внизу я ходила за клубовкой восемь лет, как вас ещё мамка в ранце до школы носила.

Час спустя у спасателей появляется ещё один путь добраться до стены. Безопасно ли будет к нему подойти, скажет их техник. Эта задержка старуху устраивает мало. Человек, которому уже однажды дали потратить восемьдесят шесть лет, относится к чужому часу расточительно.

Глеб тянет её под руку. Она вырывается.

— Вы всегда держите человека, как будто он чужой половник. Стоило бы придумать, для кого вообще у вас руки.

— Я хотел вам кое-что вернуть. В четверг забрать не успели.

У него в машине лежит бумажный пакет с клеймом булочной. В пакете вата, в вате две нестарательные золотые серьги с дырками вместо камушков и тонкая лента на бумажной катушке.

— А фамилия твоя Сажин, — говорит старуха, рассматривая на свет одну из серёжек. — Любанин? Погоди, Любанин не может быть, у той только сын, а ты какой-то внук уже по возрасту. Любаня восемьдесят девятого... Нет. Постой. Коля у неё был.

— Я её внук. Коля отец.

— Да ведь у твоей бабки могила в области была. Неужели тоже она вас подвела, из могилы вышла и так опозорила, что стыдно поблагодарить по-настоящему?

Он улыбается. Есть у некоторых старых женщин способность сразу делать всё тело моложе на пятьдесят лет. У тебя пионерский галстук стащили, ты разлил фанту на обои детсада, принёс двойку. Важно, что ничего за эти провинности у тебя пока отнимать не собираются. Любое удовольствие из ещё не случившихся пока тебе разрешено.

— Вы тоже голосовое получили, Серафима Михайловна?

— Не получила. Я его слышала раньше, мой хороший. Мне надо было Камневыми серьгами заплатить за мамин ре-

цепт, у той без денег хорошо прошла хворь, а у нас с Тамарой нет. Мы по молодости подпасками вкалывали, как сунули девок сюда без общежития осенью, так в зимнее с матрасами и шли.

— Кому копию отдали, не помните?

— Конечно помню. Тишка за столом сидел, спрашивал каждую, можно нам эти голоса в клубе оставлять. Я сидела в коридоре, уши пока были моложе, всё слышала.

— И чьё имя?

— Детонька, ты же сам за дверь выглянул, сказал «мне, пожалуйста». У тебя ещё глупая привычка с тех времён, запонки на рубахе разные носить.

Он прячет руки в карманы. К вечеру большая часть добровольцев вернётся с фабрики за горячей едой и узнает, что в их отсутствие успели передвинуть линию ограждения. Не вперёд, как хотели сотни людей на улице. Назад. Работающие должны были перенести весь свой скарб с участка, под которым оказалась пустота. Между тем до небольшого долга, который Глебу хотелось вернуть старухе до темноты, начинают добираться и другие.

Вера из Риги наконец разобрала слова в конце своей копии. Напечатала одно короткое имя и предложила Варе проверить самой.

* * *

Косте сорок два. В графе «профессия» он однажды в шутку написал «лицо, нажимающее педаль». На нём кофточка,

которую жена когда-то начала вязать крупными ободками, потом возненавидела пряжу и довязала на машинке белёсым мелким ромбиком. Байкером быть в такой кофточке трудно, поэтому он водит троллейбус в другом городе, а здесь работает сменным водителем бригад. Педаль находится в одном месте, что при хорошем настроении, что при плохом.

На выходе из школы к нему просится мальчик с огромным листом фанеры. Мальчика зовут Кирилл. Ногу ему с лета собрали лучше новой, зато пока ещё это совершенно не похоже на ходьбу. На фанере рисунок фабрики в натуральную, по его мнению, величину. Синим всё, что ходит, красным — что держится, жёлтым — шаурма, не трогать. Трое стажёров фотографируют и передают дежурному. Кирилл довольствуется тем, что рисунок показали настоящему профессионалу, и просит подвезти домой. На перекрёстке, говорит, его отец распоряжается, чтоб детям ближе к опасной стороне не ходить, а он-то давно туда не собирался, у него вообще-то нога.

— Тогда домой как раз через твоего отца не поедем, — решает Костя. — У нас дорога в другую сторону, и туда ещё один пассажир.

Пассажир — Ася. Села на остановке в чёрных очках с пустой оправой. У папы временно отключился телефон, потому что ему дали позвонить Даше, потом взяли аппарат перезагрузить для другого звонка, а Ася сидит почти сорок минут у Нади на складе и не знает, можно ли позвонить отцу на устройство, которое он сейчас держит.

— Я тебе верю, просто мне надо было уехать с урока, — говорит Кирилл.

— Ты спутал меня с подругой. Отстань.

— Тебе теперь на любом слове все отстанут. Осторожно пользуйся.

Взрослый за рулём делает вид, что слышит в основном мотор. Мотор старый и согласен производить достаточную иллюзию. Ася снимает очки, стёкла когда-то спасли её от эпической двойки по немецкому: в них лучше, по мнению учительницы, угадывался человек думающий. Надо было всего-то купить думающего человека на распродаже в том году, когда она первый раз могла пойти в бассейн в одном купальнике, а второй надеть для красоты и забыть про него.

— А знаешь, мне противно видеть себя рядом с папой, — говорит она, продолжая смотреть в окно. — Я всё время стесняюсь, что кто-то скажет какую-нибудь вещь. Например «как вы похожи». А я вообще-то люблю с ним быть. Просто когда у него был его нос, не приходилось каждые пять минут об этом вспоминать. Можно было думать про нос Киры из соседнего класса. У неё на него воздух по-другому попадает.

— У нас у всех могло это случиться. Ты думаешь, у меня точно мой папа?

— А позвони, спроси.

— Он сейчас тебя высадит у забора, если это не он, — замечает Костя из-за руля. — Кого там высаживать-то? Ты мне не просто перчатку роняй, ты распишись в маршрутном

листе. Я сына на работе второй раз вижу за осень, а он впервые согласен сесть в мою машину так, чтобы его краска села на чехлы.

Ася фыркает. Очень невоспитанный хрюк, но мальчик смеётся и водитель одобрительно кашляет.

— А у меня в городе на следующей неделе конкурс, — говорит Костя. — Самый красивый домашний костюм для пса. Хотел в этой кофте своего спаниеля представить. Кира из соседнего класса не разгневается?

— Это вы так углы сглаживаете, да, дядь Кость? — спрашивает Ася.

— Я вообще скругляю всё, где вижу выступ. С кем два раза столкнёшься, за тем и замуж пойдёшь.

Кирилл разворачивает к ней фанеру. Саму доску ей не надо, но в углу рисунка стоит рыжая пара ботинок.

— Это что за чучело?

— А это хреновина, которая у меня там всегда на выступах стояла. Прежде чем физрук разрешил нам фотографии нарисовать, нас Тихон по старому клубу вёл. У него была игра. Пришли детишки фотографировать, а он велел по одному звуку узнать место. Там была девочка, которая всё время пела в бассейне, чтобы у неё под носом вода не казалась влажной. Ну, она, короче, пела только в воде. Кто-то её записал, пустил по трубам. Очень прикольно, я бы тоже пришёл с водолазной камеры ещё послушать.

— Стой. Повтори.

Водитель тормозит. Ася уже набрала Варю.

— Папа слышал в трубе, что поёт женщина. А там записывали для школьников экскурсию. И вообще-то много записывали стихов и чего угодно. Вам надо обе версии проверить. Одну, что она там живая, другую, что это...

Она умолкает на том месте, до которого быстро дошла собственным умом. Папа шёл к женщине, которая его выслушает, и он заслуживает, чтобы его слова проверили до последней буквы. Но по его показаниям смогли найти тело человека, которого он убил. Что сделает Варя, если узнает, что он назначил живого человека под этим домом при помощи магнитофонной кассеты?

— Умница моя, — слышит она Варино неосторожное. — Кто тут с тобой из взрослых рядом?

— Водитель.

— Попроси, пожалуйста, помочь отцу, если сможешь. Объясните всё Павлу. Мы сейчас не успеваем сами, нам Веру надо поймать. Ась, у тебя внизу губа дрожит, когда ты врёшь. Вот как раз сейчас у тебя там не дрожит. Да, я тебя вижу, ты по видео позвонила. Ну, пока.

Ася смущается, ставит, наконец, телефон зеркальцем кверху, у неё на левом виске напечаталась от очков прозрачная единица. Кирилл достаёт фото, где её совсем маленький отец с длинными волосами похож на другого мальчика только при большом желании. Тот мальчик рядом с ним держит два противогаза и лыбится. Откуда у бывшего монтажёра

опорных ворот такое фото? Строго говоря, Костя действующим монтажёром никогда себя не считал. Он тогда по всей области делал мальчишкам в подъездах лавочки, сам вывозил мусор. Если у самого, считающего себя нормальным, вокруг копятся грязные доски, однажды тебе же на них придётся лезть, чтобы вытащить своего мальчика.

— Это твой папа нашему на концерте все провода перебирал, — говорит Кирилл. — И вообще однажды вынес маму из лифта. Тогда у неё костыли были. У нас в семье очень травмоустойчивые люди.

— Устойчивые? — спрашивает Ася.

— На постоянной основе травмы держим, — объясняет Костя. — Вроде постоянного клиента. Девочка, ты у нас, оказывается, известного человека дочка. Очень рад тому, что наконец-то буду знать, как выглядит этот ухарь. В старой-то фотке он моложе вас обоих вместе взятых.

Ася замечает, что Костя говорит «буду знать». Нигде в грамматике таких слов отдельно никто не продавал, а надо бы. Один чужой дядька без вопросов признаёт, что у папы будет дальше лицо, и уже готов с ним встретиться. Сердце занимает чуть меньше места в шее, можно вдохнуть.

Костя высаживает их у клуба и везёт фанеру сам. Во рту у Аси ещё не растаял подаренный из бардачка чупа-чупс. Без всякого сожаления она отдаёт остаток Кириллу вместе с палочкой. Через два дня ей придётся вспоминать, как, когда поджидаешь большую любовь, выглядит первая глупость,

которую ты немного по этой причине совершил. Окажется, на вкус она клубничная и взята в долг у чужого отца.

* * *

Упростить чужую жизнь одним голосовым сообщением Глебу предложила Вика. Точнее, он так себе запомнил. С этого места, объясняет ему Нестерова, опять говорите дословно. Он согласен, только пусть она сперва перестанет рассчитывать, что на свете есть дословный человек.

— Я на самом деле подпалил чайник, — говорит он. — Вика позвонила в понедельник про какую-то актрису старую, которую обманули знакомые. Прислали ей голосовое, на нём внук просит денег. А она внуку даже обед не готовит, потому что у неё лично нет никаких внуков. Но именно это и заставляет её поверить. Наконец-то кто-то назвал её бабушкой. Я Вике сказал, что в таком мире на любое сообщение надо ставить огромными буквами настоящую дату. У меня чайник без свистка, так что я с ней договорил и остался без него.

Он листает телефон. Нестерова по этому поводу не улыбается. Есть люди, дружелюбие которых можно проявить только спустя несколько часов. Они охотно поймут, зачем нужен реквизит с чужими бабушками, если сперва поймут, куда он делся.

— Почему ваш файл с датой кто-то смог принять за новый?

— Он не имел даты на экране, в папке вся информация проставлена как следует. Виктория, её фамилия, год, месяц,

число. Там ещё поле «Действие согласия». У всех записей разный срок.

— А у этой?

— Закончился год назад.

— Когда умерла мать?

— Да.

— Где вы взяли запись, срок хранения которой истёк год назад?

Именно в эту самую минуту за стеной из крана начинает идти чёрная вода. Нестерова потом проверит — наверху у соседей меняли полотенцесушитель, а новый стоил как четыре гераниевых участка вместе с ней самой, будучи специалистом довольно представительного гонорара. Трубы шипят так, будто сейчас полетят через окно.

Глебу хочется пить. Он смотрит на её герань.

— Мы копии делали для страховки. Только первые несколько месяцев. Были пожары в других домах, люди просили сохранить материал по возможности хоть в каком-то месте. Один педагог всё детство во время переездов исписал в ящиках тетрадей. Было ему семьдесят, и он не хотел об этой опасности даже думать. Вы могли бы отказать?

— Куда вы переслали голос Вики и зачем?

— Светлане. Буфетчице. Она спросила, правда ли, что Вика жива. Написала «Есть от Вики что-нибудь?» У меня в тот момент за плечом стояли ребята из пресс-службы, им хотелось поднять людям настроение. Смертей ещё не подтвер-

дили. У нас в чат прилетало столько разных голосов, что я примерно этого и ждал. В папке я набрал вместо поиска по мессенджеру «Вика». Она там улыбалась сверху, живое лицо. Я и скинул.

— Хотели её порадовать?

Он молчит. Нестерова не повторяет. В кармане он стискивает пуговицу. На ней впадинка от литья, уже через минуту край впадинки становится ему на ощупь как пещера. Через это отверстие можно легко устроить помещение для собственного человеческого стыда, рядом ещё и кухоньку выгородить.

— Вы не понимаете. У меня в клубе всё работало на доверии. Мы зонировали. Поставили несколько временных перегородок, дали ключи школьникам, мне утром подписывали ручкой, что у нас никого нет, а они вечером до десяти таскали туда выпивку. Нет, никто у меня не пил, что вы так смотрите. Я один держал пароль к архиву. Если завтра скажут, что женщина погибла у нас в комнате, которой не существует, то кому вы доверите оставшиеся голоса?

— Я теперь смотрю, как вы сами себе правду гнёте в разные стороны. Никто пока не сказал, что Виктория погибла. Позвольте ей для начала побыть, где она есть.

Глеб впервые за время разговора достаёт из кармана правую руку. Рассматривает круглую вмятину от пуговицы на указательном пальце. В маленькой ямке по краям зажглась кровь.

— Я решил, что выиграю вечер. Она к пятнице обнаружится, она постоянно телефон теряет. Я же её знаю, десять лет рядом, сто раз обошлось. Только я не думал, что они прекратят искать.

— А когда вам пришло «связь подтверждена»?

— Двадцать один четырнадцать.

— Когда вы написали, что ошиблись?

— Я в десять утра следующего дня СМС набрал.

— Отправили?

— В черновиках.

Даша пододвигает планшет, где одна страница объяснения с его вчерашней подписью, другая пока свободна. Слушать дальше ей бы пришлось всё равно. Нужен человек, который выдержит семь минут, пока он будет вписывать в доступное место реальность совершенно достаточного размера. Она переворачивает старую карточку чистой стороной вверх и наклеивает на горшок кусок пластыря, чтобы больше не тёрся о полку. Возится с инструментом, пока он пишет.

Закончив, Глеб отодвигает стул:

— А теперь я могу вернуться туда?

— Я вас оттуда не вынимала. Перешлите сперва то, что написали мне, самой Светлане. Ещё ей надо будет отвечать на вопросы других. И слушайте. Всякий раз, как спасают чужого родственника, легко решить, что вы спасатель. Я тоже умею в это играть. Но у меня есть удостоверение и зарплата. У вас что с собой, если про удостоверение забыть?

Он роется по карманам. В книге его любимого писателя, которую он сейчас был бы счастлив пересказать вместо ответа, человек, застигнутый с предательством, просто перестаёт жить к следующему абзацу. Вся прочая его жизнь между тем почему-то утром достаётся врачу в оранжевом халате, не спавшей сестре в другой стране, студенческой компании с дурным пальто. Глебу особо некому передавать сегодня свою. При себе только ключи от пустого помещения, полупрозрачное фото сороковых годов и окрошки сгустившегося от страха сцепления между ладонью и пуговицей.

— У меня ещё с собой одна запись, — говорит он. — В тот четверг Тиша включил диктофон в сороковом номере. Выдернуть там штекер я попросил. Получается, и записал себя, как его прошу. Не думаю, что вам понравится, зачем.

* * *

Мише в отделе дают бумагу в клеточку. Сразу понятно, что всем было легче, когда на столе лежали фотографии. Человека попросили нарисовать, как две комнаты соединяются и сколько их было там под потолком живых. В четырнадцать лет любой юноша мастерски рисует увлекательные вещи, которые для понимания нужно поднести вплотную к глазам и заслонить от учительницы. Умение возвращается с трудом. Миша держит карандаш по-мастеровому прямо, почти возле грифеля, его просят сдвинуть линию, а он только теперь видит, что линия слегка обуглилась.

Странное происходит с телом, которое получил по на-

следству. Когда на ночь потянулся к электрическому чайнику, вода закипела. Когда хотел греть помещение для девочки, ничего не вышло. В обмен на прежнюю его небольшую магию дали кровеносную систему ростом метр восемьдесят два и человека с упрямым коротким ахиллом. Через полдня ходьбы болит вся шея, как если бы за него заплатили рыночную цену и заставили всюду носить чек на мизинце.

Он объясняет, что заходил в студию починить охладитель для старых лент. По просьбе сестры, которой не заплатили за май. Хотела она всё одно вывести на вчерашний четверг. Когда зашёл, студент Илья вынес первую коробку в соседнее кафе. Электрик с усами показывал ему через верхний мост, куда вести провод, Тиша клеил на какой-то древний прибор бумажки со словами. В комнате ещё был мужчина. Оказалось, отец Тихона. Мужчина спросил, хватит ли крови циркулировать в руке дракона, когда придётся одновременно тепло отдавать и температуру убавлять в нарастающем веществе. На заводах такие люди мешают даже тогда, когда помогают исключительно мыслительной силой.

— Взяли его туда, чтобы он оформил акт? — спрашивает Нестерова.

— Глеб говорил, чтоб зашёл измерить вибрацию. Егор занимается вентиляцией. У них был замер, по которому кинобудку планировали закрывать. А он в своё время ставил оборудование и считал, что корпус будет стоять и без какой-то там кирпичной полосы у верха. Послушайте, я не инженер

и акт не читал.

— Тогда расскажите о человеке, который пел.

— Перед самым грохотом Тиша подошёл к трубе, дул в неё, звал Вику. А перед этим мы в соседней комнате слышали, как она хлопнула дверью. Там было написано «Сорок». Вика последний год пыталась отдельно закрывать ту комнату: записывала что-то, что никому не стоило слышать. Даже таким милым людям, как начальник клуба. Скажу для протокола: я знаком с этим начальником больше, чем хотелось бы.

На каком-то месте рассказа Нестерова останавливает запись. Пришёл врач посмотреть на него, и врач неожиданно для Миши просит Нестерову выйти.

— Возьмите мне воды, пожалуйста, — говорит он ей. Когда она уходит, добавляет: — Обычное дело, хочется побеседовать без формы, а у них на это полощется свой устав. Сколько времени нормально не спали, Михаил Юрьевич?

— С воскресенья почти не спал. И зовите меня просто Мишей. Отчество в карточке чужое.

— Год рождения?

— Семьдесят седьмой. На фото одиннадцатого года у вас я уже с сединой.

— Давайте снимем эту резинку, она вам всю кожу за ухом натёрла. Пойдёмте. Дома замечали такой жар? Потели ночью? Не говорите мне, что у вас нормально с пройдёнными днями после превращения, я к вам первый раз в жизни

подходил. Хотелось бы, если честно, чтобы в следующий раз столько новой информации по части драконов не потребовалось.

Его ведут на два этажа ниже и двести метров вбок до известной с детства больницы. Миша знает всё, что в живом мире пугает медсестру: прилипший бейджик, номер не на той руке, новый пациент с татуировкой поверх старого штампа. Кроме последнего, сейчас у него всё есть.

— Ему надо немного полежать, — говорят Варе, когда та через полчаса появляется в приёмном покое. Она присела на короткую низкую ступеньку, привычка у неё такая, капитулировать сначала коленями. — Он трое суток в заводской луже провёл, поэтому мы хотим проследить, как тело прочихалось. Через час увидитесь.

В коридоре её узнаёт женщина в матерчатом берете. Варя в последнее время плохо справляется с распознаванием даже своих клиентов, но эту узнаёт сразу. Женщина была в числе тех, кто три часа ждал со странным господином, пока полиция разберётся, действительно ли он узнал Тихона в другом городе. Господин оказался командиром метеорологической станции, у которого пропали документы. Он очень убеждённо узнавал Тихона в зеркале и не мог произнести «мне восемьдесят». В итоге отвезли его к сестре, которой шестьдесят пять, и она до сих пор звонила добровольцам выяснить, как извиниться за лишний вызов.

— У меня просьба не по делу, — говорит женщина. —

Ваш молодой человек сюда поступил. Я папу двенадцать лет тому видела в таком виде. Можно гляну, как у вашего со шнурками? Извините, если неприветливо звучит. Мне бы уточнить, какого цвета они и меняются ли после.

— А зачем вы сверяете моего сына со своим отцом? — спрашивает Варя. — Кого нам теперь на лестнице пинать и зачем?

— Я письменное свидетельство давала, когда у нас в больнице приходили такие без родственников. Носки всегда свои, а шнурки иногда, говорили, тоже тело отрастает вместе с одеждой. Я сказала, что всё враньё, никогда. Меня на одном слове потом так в интернете растерзали, что я два месяца боялась в больницу прийти.

Она достаёт бумажный кошелёк, в котором фото подростка с бородой и в огромной дублёнке. Если настроение у смотрящего хорошее, то это Шаляпин. Если плохое — замёрзший местный сантехник.

— Он мне говорит, что в боулинг опоздаем. А мне в тот вечер тринадцать, куплены первые туфли, мне жалко, что он такие слова на людях про нашу жизнь говорит. Умер потом совсем, как люди. Я с тех пор столько времени из этих маленьких страшных вещей вытаскиваю, что вижу их, где ещё никто не осмотрелся.

Варя хочет согнать её, а вместо того гладит через стекло чьего-то неудавшегося Шаляпина. У этого пальто и у Асиных шнурков есть одно немаловажное преимущество перед

паспортом — оба могли оказаться абсолютно случайными и оба каждый день кто-то сам выбрал носить.

— Его зовут Михаил. После процедур у него девочка будет. Спросите у неё, если захочет. Я скажу вам одну вещь. Вы больше не обязаны выигрывать тот спор в интернете. Можете оставить на ком угодно. Кто высказался последним, тому и полы мыть.

Женщина в берете усмехается. Забирает свою бумажку. Варя нажимает кнопки автомата с кофе и совершенно напрасно ищет, где у него скидка на две чашки сразу. Одну надо отнести человеку на лавке, вторую она хочет выпить сама. Лавка ещё занята женщиной, которая дождалась, чтобы её позвали пить скверный кофе без всякого применения к профессиональному интересу.

Пока они пьют, Павел звонит из штаба. Вика ответила голосом, ясным настолько, что услышали пять человек и шестой позвал остальных. Так и сказала: «Витя я, заколебали». Один из тех, кого приняли за Викторию, отзывается на имя Виктор. По словам Виктора, рядом с ним есть другая женщина. И он хочет знать, у какого гада нашлись записи его песен из душевой.

* * *

Высокий потолок подвала от прежней столовой отделяет перекошенная металлическая перегородка. Слева поднимается тёплый воздух, справа за ворот куртки просачивается холод. Спасательница Нина Ракитина ставит колено на голу-

бую мату. У неё детская пухлая рука, она всегда заказывает на свои руки рабочие перчатки в юношеском отделе. Всю эту ночь ей отвечает живой человек, и его губы видны сквозь щель иногда лучше, чем собственные руки.

— Другая женщина в сознании?

— Я не вижу, — говорит человек. — Слышу, как она пьёт. Здесь вода. Сколько времени?

— Полдень.

— Четверга?

— Понедельника.

— Это что же, мне за всю пятницу по проценту капало?

Нина улыбается. Есть люди, чьи интересы после трёх с половиной суток под землёй простёрты к солнцу, маме, звёздам. Мужчина интересуется автокредитом. Он, по её опыту, в неплохом пока состоянии.

— Вы были всё это время вместе?

— С пятницы. Я ходил за заказом под охраной, а тут из стены послышались музыканты. Дурная чрезвычайно публика. У них там улица Невезучая и ходивший на голове козёл. Я пытался найти клапан. Меня начало вверх заливать. На кой я упал, можете мне объяснить? Взял жакет на сцену дочери.

— Раньше вы были в другом месте?

— На лестнице под входом в костюмерную. Там ещё санки деревянные опирались друг на друга, в прошлое воскресенье через них ребёнок грохнулся. У меня телефон сел в тот же вечер. Как его насухо отнести домой?

Он тщательно описывает всё, что вокруг. У него от такого рассказа становится проще во рту и в груди, потому что перспектива, описание, третье лицо — это уже немало воздуха на вырост. Женщину слышал, она передавала через отверстие бутылку. Чуть-чуть отзывалась, пела по слогам, но он боялся с ней заговорить. И сейчас боится. У него к ней просьба. Он четыре дня выбирал момент. Голос что-то запел слишком неподходящее, и он решил молчать.

— Попросите сами. Сейчас она точно слушает, — говорит Нина.

Из непроглядной темноты звучит короткая волна ударов. Если бы в подвале сидел третий человек, он, вероятно, понял бы внятное «оставьте меня все в покое». Нина интонацию живых людей любит распознавать любыми способами.

Через дверную дыру удаётся передать Виктору совсем немного воды и связь. Варя слышит ругань за плечом человека сорока в сером гольфе, которого здесь нарядили прикрывать ширму от ветра. Он держит створку так, будто три дня назад у него случилась важнейшая встреча и никак до него самого не дойдёт извещение о ней.

— Я не понимаю, почему никто не заметил Виктора, — говорит она.

Павел складывает на стол свидетельские карточки и возвращает ручку, которую, выходит, держал в руке с прошлого утра. Вика пропала первой. Виктор значился как Витя. Когда рассказы собирали, услышали две клички и не уточни-

ли. Ему к тому же позвонили домой, его дочь сказала, папа уехал по работе и ему нельзя мешать, когда он двигает крупное оборудование. Четырнадцать лет, живёт с мамой, взрослых напугаешь — будешь виновата. Возле клуба оставили два велосипеда почти одинакового цвета. Считать начали после тридцатого человека, когда выяснилось, что на площадке завалило комнату, которой никто не мог дать имя.

— Столько вас, и никто не спросил фамилию?

— Я спросил. Голос из толпы ответил Радченко. Когда я записал, сорок человек прочли и стали рассказывать один другому «искали Викторию». Так фамилия и оказалась сто раз подтверждена.

Варя видит на дальнем конце журнала свой вчерашний текст. В поле, которое Тамара для этого сделала изначально, на месте фамилии первого свидетеля стоит «мать». Дальше запись «возможно слышыли». Даже эту ошибку скопировали семь отдельных добровольческих журналов. Через сутки незнакомые люди смогут собрать по ней сравнительную таблицу всего, что происходило за её дверью.

— А если я ошиблась?

— Будем смотреть, на чьих плечах кто стоит. Я в конце сегодня присяду и отмечу, где мне сначала самому надо было проверить.

Павел продрог, ему принесли один толстый белый свитер из магазина «среднее платье на вес». На животе три вязаные собачьи головы в колпачках. Варя впервые понимает, поче-

му в критических ситуациях все выглядят так смешно: люди сами не выбирали, в какой именно момент их попросят стать милосердными.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.